

ИМАН
КАЛЬБИ

ЭЛЬДАР

ОТ НЕГО НЕ УХОДЯТ

18+

Иман Кальби
Эльдар. От него не уходят

«Автор»

2026

Иман Кальби

Эльдар. От него не уходят / Иман Кальби — «Автор», 2026

Она — дочь посла Иордании в Москве, талантливая художница, невеста достойного мужчины. Он — тень из прошлого, человек без возраста, властитель горного края, о котором шепчутся, что он продал душу дьяволу. Одна случайная встреча на дипломатическом приёме переворачивает всё с ног на голову. Он врывается в её идеальный мир, называет чужим именем — Малика — и клянётся, что она принадлежит ему. Что их связывает? Одержимость или проклятие рода, кровная месть или любовь сильнее смерти? Диана не помнит гор. Не помнит ночи, полные страсти и вкуса малины на губах. Не помнит, как летела в пропасть. Но Эльдар помнит всё. И он не умеет проигрывать. В день ее свадьбы он похищает ее прямо из брачного номера. Эта азартная игра слишком дорогая. Ставки в ней - человеческие жизни...

© Иман Кальби, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	12
Глава 4	17
Глава 5	20
Глава 6	22
Глава 7	26
Глава 8	28
Глава 9	30
Глава 10	35
Глава 11	38
Глава 12	43
Глава 13	45
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Иман Кальби

Эльдар. От него не уходят

Глава 1

1

Диана

В десятый раз нервно поправляю свой пеньюар. Неловко. Пусть это и первая брачная ночь, но я пока не готова к презренной откровенности перед мужем.

Запахиваю края шелковой ткани, чтобы прикрыть кружева бюстье.

Расправляю волосы, даже в темноте номера выделяющиеся тёмным контрастом на белоснежной ткани.

Дверь позади хлопает после характерного жужжания змейки магнитного замка номера-люкс.

Я резко оборачиваюсь.

На пороге Ренат. Он только вынырнул из мрака прихожей. Лицо бледное, даже испуганное. Странно...

Спустя мгновение понимаю, почему такая реакция...

¹ ОФИЦИАЛЬНЫЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ДИСКЛЕЙМЕР автора Иман Кальби Настоящим уведомляем, что данное литературное произведение (далее – «Произведение») создано в строгом соответствии с законодательством Российской Федерации и международными нормами. Правовая позиция Автора: Автор (Правообладатель) категорически заявляет о своей неприемлемой позиции в отношении: 1.1. Запрещённых веществ и асоциальных явлений, наркотических средств и психотропных веществ (ст. 228-233 УК РФ, ст. 6.13 КоАП РФ); алкогольной продукции вне культурных норм потребления (ст. 20.20 КоАП РФ); табакокурения, вейпинга и иных форм потребления никотина (ФЗ №15 «Об охране здоровья граждан»); азартных игр и мошеннических схем (ст. 171.2, 178 УК РФ). 1.2. Антиобщественного поведения: физического, психологического, сексуального насилия (ст. 111-119, 131-135 УК РФ); буллинга, травли, киберпреследования (ст. 110.1, 119, 128.1 УК РФ); оскорблений личности, чести и достоинства (ст. 5.61 КоАП РФ, ст. 128.1 УК РФ); разжигания ненависти по расовому, национальному, религиозному или социальному признаку (ст. 20.3.1 КоАП РФ, ст. 282 УК РФ). 1.3. Аморального контента: порнографии (ст. 242 УК РФ). Любые сцены интимного характера представлены исключительно в художественных целях, не являются самоцелью и служат: раскрытию психологии персонажей; демонстрации нравственной эволюции; утверждению в конечном итоге повествования традиционных семейных ценностей (ст. 7 СК РФ). Не содержат пропаганды девиантного поведения (ст. 6.21 КоАП РФ). Художественная специфика Произведения: 2.1. Все события, персонажи и диалоги являются плодом творческого вымысла. Любые совпадения с реальными лицами или событиями случайны (ст. 1274 ГК РФ). 2.2. Произведение не является инструкцией, пропагандой или призывом к действиям, нарушающим закон. 2.3. Контент имеет возрастные ограничения 18+ и не предназначен для несовершеннолетних (ФЗ №436 «О защите детей от вредной информации»). Авторские права и ответственность: 3.1. Любое несанкционированное копирование, распространение или использование, включая попытку частичного плагиата или ретеллинга Произведения, преследуется по закону (ст. 1259, 1301 ГК РФ) и в случае обнаружения Автором нарушения станет предметом разбирательства сторон в судебных инстанциях. 3.2. Критика и обсуждение допустимы в рамках правового поля (ст. 29 Конституции РФ). 3.3. Преследование Автора за выраженное мнение (включая троллинг, клевету, оскорбления и угрозы) карается по УК РФ (ст. 119, 144, 282). Заключительные положения: 4.1. Настоящий дисклеймер является неотъемлемой частью Произведения. 4.2. Все спорные вопросы регулируются законодательством РФ. 4.3. Правообладатель оставляет за собой право вносить изменения в данный документ.

Вскрикиваю, быстро вскакиваю и автоматически вжимаюсь в стену, тщетно пытаюсь запахнуть сильнее, но ткань прозрачна, и мои попытки жалки...

Ткань прозрачна, и потому видно всё — и закованную в красивое белье высокую грудь третьего размера, и тонкую талию, обхваченную поясом от чулок... Подтяжки на них тоже видно.

И он смотрит... Жадно смотрит, алчно. Не изучая, а уже имея меня глазами.

Он.

Второй.

Вошедший вслед за мужем.

Державший его сейчас на взведённом курке...

— Здравствуй, Малика... — не стесняется. Нагло, порочно, открыто продолжает скользить по мне глазами. Словно бы я его... Словно для него себя приготовила. — Красавица моя... Твоё тело создано для того, чтобы быть украшенным самым дорогим шелком и кружевом...

— Что происходит?! — паника пульсирует в горле спазмами. — Эльдар, вы в своём уме?! Что вы здесь делаете?! Мне кажется, мы всё выяснили ещё пару дней назад... Я... не ваша...

— Ты моя, Малика... — перебивает меня и улыбается совершенно нездорово. Собственнически. Алчно. Одержимо... — ты сама мне себя отдала...

— Я... не Малика... — голос дрожит. — Меня зовут Диана. Диана Рамазова. Я... Я не знаю, почему вы продолжаете меня преследовать и утверждать, что я...

— Тише, Малика... Много лишних слов... Твоя игра уже неактуальна... — он выдыхает и нервно дёргает пистолетом, отчего я жмурюсь. — Бери плащ и накидывай сверху. Мы уезжаем. Сейчас же...

— Я никуда не поеду с вами... — голос срывается от напряжения. — Я вышла замуж сегодня... Что вы делаете в нашем номере? У нас брачная ночь! Первая...

— Брачная ночь у тебя будет сегодня со мной, — усмехается он жестко. И даже в темноте я вижу, что его глаза становятся ещё более черными и бездонными. — Но не первая, Малика... Наша первая ночь с тобой уже была... Несколько лет назад... В горах. У нас с тобой на родине. В доме, который стал нашим местом любви... Ночь, когда ты стала моей...

— Вы сумасшедший... Бредите... Ренат, скажи ему... — умоляюще смотрю на мужа, который сейчас напоминает бледную тень, призрака, а не человека.

— Делай так, как он говорит, Ди... — голос Рената такой надтреснутый и тусклый, что у меня аж мурашки по коже... от безнадёжности. — Он... его люди... Они перестреляли всю охрану... Окружили отель... Диана... Мой отец...

Меня начинает трести... По-настоящему. До спазмов отчаяния и дикого, сковывающего страха...

Складываюсь пополам, забывая, как дышать. Перед глазами всё плывёт и чернеет.

Кожа вспыхивает, когда сверху её касается тонкое покрывало, сорванное с кровати. Оно холодное — и я моментально начинаю трестись от сковывающего холода.

Надо мной стоит Эльдар.

Боюсь его... Боюсь...

Он медленно касается моей щеки. Гладит нежно, но дуло пистолета совсем рядом. Он не убирает его — и жар, исходящий от оружия, говорит о том, что совсем недавно из него стреляли...

— Какая у тебя красота, Малика... Невыносимая... У мужчины рядом с тобой нет шансов... Такой красотой должен владеть сильнейший... Я ведь тебе уже это говорил давно... В горах...

Прикрываю глаза.

Слеза срывается с ресницы. Он тут же её ловит подушечкой пальца.

— Я устала повторять, что никогда не была в горах... Вы путаете меня с другой женщиной... Мои родители — дипломаты из Иордании. Да, этнически я кавказских кровей, но мы не имели отношения к России до назначения отца сюда послом. Мои предки переехали на Ближний Восток с Кавказа ещё в девятнадцатом веке, как другие мухаджиры после завершения Кавказской войны под предводительством Имама Шамиля[1]... Моё детство прошло в Аммане, Каире и Лондоне. Я в России впервые... Полгода назад приехала...

— Ты вспомнишь, малышка... — голос становится ещё более хриплым и глубоким, когда он наклоняется ко мне и прикусывает мочку уха. — Я заставлю вспомнить... Сладко и громко...

Вскрикиваю, когда он резко подхватывает меня на руки, завернутую, как гусеница в коконе. Перекидывает через плечо.

— Через десять минут сюда придут две лучшие шлюхи в городе, Ренат. Утешить тебя... Проведи с ними время в своё удовольствие. Прояви благоразумие, не лезь на рожон. Выспись завтра с утра. На номер заказан поздний чек-аут... А она моя. Забудь о ней. Я её забираю. Навсегда.

Мы выходим наружу, идём к лифту, едем вниз — и его большая крепкая рука продолжает сжимать мою ягодицу, красноречиво говоря, что происходящий сейчас в моей жизни сюрреализм — не страшный сон, а реальность...

[1] Это реальный исторический факт. После завершения русско-кавказской войны большое количество этнических выходцев с Кавказа переселились в страны Ближнего и Среднего Востока. В истории они получили название «мухаджиры». В настоящее время в современной

Сирии, Иордании, Палестине, Ираке, Египте проживают довольно многочисленные их диаспоры. Связь с родиной они поддерживают, но при этом являются полноценными гражданами своих стран, занимая в них в том числе очень высокие должности. Так, вся охрана короля Иордании состоит из т.н. «черкесов», а этнический дагестанец Омар Дагестани женат на сестре самого короля и занимал пост министра.

Глава 2

Малика

Несколько лет назад

За свои семнадцать лет я была в горах только раз. Родители праздновали юбилей свадьбы. Решили устроить для своих московских друзей красивый экзотический пир... Отец тогда мог себе позволить многое...

Вертолёты, накрытые по традиции на пёстрых шерстяных коврах прямо на траве импровизированные столы, аромат жареного мяса, переплетающийся с запахом пряной зелени, журчание зурны и перекличка ударов барабанов...

Я ведь корнями из этих мест... Во мне чистая кровь горянки, вот только родилась я в обычном московском роддоме. Пошла в садик на районе, а к первому классу, когда отец резко и сильно разбогател, уже открывала первый звонок на плече у старшеклассника в элитной гимназии в Серебряном Бору...

В республику мы почти не ездили. Родители мамы были хоть исторически с Кавказа, но жили в Москве, правда, я их никогда не помнила — умерли они в автокатастрофе ещё до моего рождения. А про родителей отца как-то никогда даже не говорилось. Он вообще не любил тему семьи и своих корней. Я только знала, что с мамой они познакомились в Москве в институте.

Все отпуска и летние месяцы каникул мы проводили либо в своём доме в Сочи, либо в Европе. На намёки друзей о том, почему бы не свозить единственную дочку на историческую родину, родители отшучивались. Отец, правда, всегда слегка нервничал в этот момент...

— Нечего там сейчас делать... Ничего там от прошлого не осталось...

О том, что за этими нервами стояло нечто большее, чем просто нежелание поехать туда, где вырос и родился, я не задумывалась...

Не задумывалась до того рокового момента, когда меня посреди третьего урока в выпускном классе вызвали в учительскую прямо с контрольной...

Бледный дядя Меджид сидел на кресле напротив директора. Сам приехал за мной. С чего бы?! Я знаю, что человек он важный и уважаемый! Даже папа перед ним всегда тушует. А мама в те разы, когда он приезжал к нам домой, готовила, лично убирала и встречала дорогого гостя так, словно бы к нам сам Мессия спустился...

— Какая красавица растёт, — говорил Аскеров каждый раз, когда проходил к нам в дом, а мне велено было его встречать, стоя в своём самом нарядном платье в чинном ряду с матерью. — Невеста для моего Эльдарчика...

Эльдарчик... Мифический «будущий жених», которого я ведь даже не видела ни разу в своей жизни, но всегда о нём фантазировала. Мне казалось, это так прекрасно — что с детства

меня ждёт мой принц. Сын самого важного, уважаемого человека, которым так дорожит мой отец...

Шли годы. И когда моя девичья красота начала развиваться, Аскеров почему-то перестал приезжать к нам домой...

— Мам, а помнишь дядю Меджида? — как-то задумчиво протянула я... На самом деле мысли мои в голове были вполне себе оправданы, просто заходила я издалека, чтобы мама не догадалась. За мной начал ухаживать красивый мальчик из школы. Старшекласник. И ведь сердце даже ёкало... Вот только мысль о «том самом Эльдаре» не давала покоя... Я ведь ему отдана... ему обещана. Он мой жених... Неправильно будет отвечать даже сдержанной улыбкой на внимание другого... Только вот дяди Меджида не было в нашем доме уже пару лет, а следовательно, и вестей об Эльдаре...

На мой вопрос мама тогда как-то нервно дернулась.

— Папа поссорился с Аскеровыми, Малика... А вообще, это взрослые дела! О таких вещах не думай! Рано тебе! — её последние слова прозвучали как-то уж слишком резко, даже истерично. Я дернулась, словно бы меня ремнём ошпарили.

В тот же вечер мама перед сном зашла в мою комнату. Тихо села на край кровати. Погладила по волосам, внимательно всматриваясь в моё лицо...

— Роковая у тебя будет красота, дочь моя... Такая приносит либо жгучее счастье, либо страшные беды... Мужчины от такой красоты на сильные поступки способны... И хорошие, и плохие... Одержимыми их делают такие глаза, как у тебя... И тело будет... Такое, что многие спать не смогут...

Её слова тогда сильно меня смутили. Вот прямо расслышать их захотелось. Я была ещё слишком молодой. Отчаянно хотелось быть всё ещё в детстве...

Какая красота, какая одержимость, какие мужчины...

Как-то внутренне больно что ли даже стало от этих слов...

— Дочь... Ты только точно знай... Если однажды в твоей жизни появится дядя Меджид, делай так, как он говорит... Значит... Такова судьба твоя, поняла?

— Поняла... — произнесла я и немного выдохнула...

Дядя Меджид ассоциировался в моей голове с моим будущим. Почему-то именно так... И пусть я никогда не видела его сына Эльдара, мне казалось, что он лучший парень на свете и что слова мамы значили только одно — что Эльдар всё ещё мой жених. Иначе зачем матери такое говорить?

Спустя несколько лет дядя Меджид реально появился в моей жизни.

Сидящим в кабинете у директора гимназии, где я училась в десятом классе...

Моё сердце тогда ёкнуло. Странная эмоция. Даже какая-то инстинктивная. Смесь восторга, трепета, лёгкого волнения... Скоро я увижу Эльдара. Я точно это знала! Чувствовала!

Только вот тут же насторожилась...

Почему Аскеров пришёл сюда за мной?

Где мои родители?!

Глава 3

Когда правда обрушилась на меня всей сокрушительностью реальности, сердце перестало биться...

Интуиция меня не подвела...

Эльдара я и правда скоро увидела.

И он действительно оказался самым красивым мужчиной, которого я только видела в своей жизни... даже лучше, наверное...

Вот только судьба громко-громко рассмеялась над моими чаяниями и планами, сведя нас с ним высоко в горах...

У неё на нас явно были другие планы. Такие, о которых я даже помыслить не могла юной девочкой, стоящей на пороге кабинета директора и уже каким-то пятым чувством понимающей, что произошло что-то необратимое...

— Твои родители мертвы, Малика... Теперь ты будешь жить в моей семье. Мы берём тебя под опеку, — слова Аскерова вибрируют в голове болезненными вспышками.

Снова и снова на репите.

Не верю.

Ещё вчера мы сидели с папой и мамой за одним столом и болтали беспечно обо всём на свете. Отец не без досады говорил, что в этом году поехать в Европу не получится, так как у него определённые трудности на работе и придется затянуть пояса, и я ведь даже слегка подрасстроилась и даже высказала своё «фи», эгоистично и инфантильно, но... насколько теперь то время казалось прекрасным, безмятежным, счастливым...

Теперь я одна. Совершенно одна в этом мире.

Понимание этой мысли пульсирует в голове неверием и обречённостью одновременно.

На Кавказе по нашим традициям хоронят до наступления заката.

Когда меня за считанные сутки перевезли из центра Москвы в высокогорное село в республике и отвели на кладбище, их могилы — отдельные, в женской и мужской половинах — со стоящими вкопанными в землю двумя памятниками из песчаника с арабской надписью «Нет Бога кроме Аллаха, а Мухаммад — пророк его», были ещё сырыми...

Я смотрела и не верила. Не верила...

Одна... Одна...

Платок на голове, к которому я не привыкла после столичной жизни, то и дело норovil сползти с волос от сильного ветра.

Роем крутилось много-много вопросов...

Что теперь со мной будет? Как теперь я буду жить?

Аскеров взял на себя все хлопоты по похоронам. Оказывается, с отцом они были из одного села. Соболезнования тоже было решено принимать в его доме, так как у отца своего тут не было.

Мы летели на частном самолёте в республику. И я знала, какой страшный груз везли в грузовом отсеке. Нужно было успеть до того, как солнце коснётся края земли...

Когда провожаешь близкого человека, боль притупляется. Ты словно бы плаваешь в этой боли, варишься в ней – и, как к горячей воде в ванной, твоя кожа тоже как-то неминуемо адаптируется. Это такая психологическая уловка мозга...

А ещё он делает так, что ты забываешь...

И потому воспоминания того страшного дня смазанные — слёзы, крики, сочувственные объятия. Десятки лиц людей, которых я никогда в своей жизни не видела, но они сопереживали...

На Кавказе не принято, чтобы женщины шли на кладбище в первый день, во время похорон. Удел женщин в это время — принимать бесконечные вереницы соболезнующих, делящих дом на женскую и мужскую половины. Подготовка, готовка, готовка... Очень много готовки. Столько еды, что столы ломятся.

Всё потому, что занятые трудом руки отключают мозг...

Я готовила. Впервые в жизни так много готовила. Что могла. За косяки и неидеальный внешний вид меня тогда никто не ругал. Потому что знали — это моё спасение...

Смотрели на меня сочувственно, шептались, чтобы не услышала, но я слышала...

Одна осталась...

Отец — банкрот.

Всё имущество пущено на торги для закрытия долгов...

Что её ждёт?

Кто на такой женится теперь?

Самый возраст опасный...

Шёпот, шёпот...

Всё время шёпот...

Дом опустел — все отдали дань проводам в последний путь и разошлись, а я осталась одна со своей болью, пустотой и совершенно чужими людьми...

Накатила апатия.

Шёпот, пока я лежу в отведённой мне комнате, просто смотрю в потолок и отказываюсь прикасаться к еде. Нет, это не протест. Просто не лезет...

— Бедная сиротка... — шепчет миловидная полноватая дама в платке, качая головой.

Ей вторит женщина постарше. Повыше. Взгляд более холодный и пронзительный.

— Красивая девка выросла у Карабековых. Теперь за ней глаз да глаз нужен. Будет ещё красивее через год... Красота в её случае — единственное богатство...

— Или горе... — добавляет третья.

Они говорили на родном языке. И я в ужасе понимала, что много-много лет не слышала этой речи — слегка грубой, кое-где нараспев, с придыханием и редким и неожиданным использованием русских слов... Но я всё равно понимала её. Она была у меня в крови...

— Главное, от Эльдара держать её подальше... — снова наставляет та, что самая старшая. — Возраст у него сейчас такой... Шальной... Опасный...

— Да где твой Эльдар, — расстроено, даже раздосадованно махает полная. — Я была проклята браком с холодным далёким мужчиной, Раисат... В итоге у меня ни мужа, ни сына! Всё у меня украл — всю мою женскую долю...

Меня обсуждали ещё дня три. А потом та самая строгая взрослая женщина зашла в комнату без стука и церемоний — и сказала тоном, не требующим возражений, что их семья нынче в ответе за меня перед моими почившими родителями и мне нужно начинать осваиваться здесь, ибо другого дома и другой участи у меня не будет...

Потом я узнаю, что полная дама — это Написат. Жена Меджида Аскерова и мать Эльдара, которая почему-то уже не первый год не живёт с мужем в столице, а занимает этот большой и холодный по своей энергетике дом в родном селе. Эльдар, их единственный сын, которому недавно исполнилось двадцать пять лет, ещё со студенческих времен переехал к отцу, а сюда приезжает редко... Раисат, та строгая взрослая женщина — старшая сестра Аскерова и по традиции самая важная женщина в роде. Она сначала пугала меня больше всего, но потом я поняла, что за внешней авторитарностью и холодностью скрывается большой жизненный опыт и прагматичность... Раисат сохраняла подобие порядка в этом доме, потому что мать Эльдара, покинутая и обделённая мужским теплом, то и дело впадала в уныние.

Здесь царство одиночества, тишины и женской скорби. Слово бы меня поселили в дворец вдов. Читала, что такой существовал в Османской империи, и жили там неугодные больше

султану женщины. Вот и я теперь... Ещё даже не успевшая расцвести, как говорила мама, буду жить в этом склепе женского счастья...

Боль от ухода родителей не ушла, нет. Она притупилась. Сменилась непониманием и равнодушием ко всему происходящему.

В местную сельскую школу доучиваться я не пошла. Попросила не отдавать меня в одиннадцатый класс. В итоге доучилась дистанционно.

Наступило лето — учёба закончилась. Стало совсем скучно... Мне стукнуло восемнадцать. Совершеннолетие на бумаге, но не в реальности, где я была совершенно зависима, даже беспомощна.

О том, чтобы пойти учиться в институт, по умолчанию не было и речи... Я просила, объясняла, даже обижалась, но... по факту тишина...

А ведь у меня были планы поступать в МГУ. Я готовилась...

Всем было плевать на мои планы. То, что было в моей жизни до гор, этого дома и смерти родных, автоматически и по умолчанию обнулилось.

Написат сама была без образования.

Раисат слушала мои просьбы молча, поджав губы, но никак не реагировала.

Дядю Меджида со дня похорон я больше не видела, сюда он не приезжал...

Чтобы не сойти с ума от несправедливости, я читала книги, которые брала в местной библиотеке при сельском совете. Помогала Написат по хозяйству, научилась доить коров и убирать за курами... Такая тяжёлая физическая работа меня никак не пугала. Потому что когда я что-то делала руками, мысли отключались... Я не думала о том, что живу не свою жизнь... Что это ведь не я...

Московская девочка с шёлковых простыней, которой в целом-то никто никогда ни в чём не отказывал — мою вымя, ставлю эмалированное ведро и дёргаю поочерёдно за соски коровы. Один-второй-третий-по кругу...

Медитация... Приглушённый звон струи молока, стекающей по эмали. Паркий запах молозива...

— Угостишь удоем? — услышала сверху незнакомый мужской голос и вздрогнула.

Мужчина в нашем доме?!

Корова дёрнула копытом, я подняла глаза и увидела высокую статную фигуру мужчины — он стоял против солнца, и потому его лицо было в тени. Только стать, только... Только аура...

— Аккуратно... — усмехнулся он, когда вторым нервным движением копыта корова чуть не опрокинула надоенное молоко...

Я встала, невольно вытирая рукавом волосы и пот с лица.

Неудобно было.

Подобралась...

Парень.

Нет, не парень даже.

Молодой мужчина.

Высокий, широкоплечий, самоуверенный. Взгляд такой дерзкий и наглый...

Совершенно без стеснения...

Глава 4

Малика

Зима в горах суровая и холодная.

Сложное время.

Даже если живёшь в богатом доме, где есть и газ, и вода, и свет.

Но впервые за много месяцев в нашем доме была весна...

Написат не ходила — парила.

Она настолько искренне, настолько самозабвенно отдавалась своей радости, что даже преображала ауру вокруг себя.

Всё дело было в том, что её сын Эльдар теперь был частым гостем в нашем доме.

Официальным аргументом его частых визитов было то, что он взялся за развитие проекта создания рыбхоза на базе заброшенной ГЭС. И вообще, говорил, что на фоне бума роста туризма в республику наш край станет одним из самых привлекательных кусков в плане инвестиций и надо активно осваивать эту плоскость.

Но я...

Я была уверена, что дело вовсе не в ГЭС и не в рыбах, а если даже и в них, то всё-таки второстепенно...

Он стал так часто ездить в дом к родителям из-за меня...

И сердце от этого пело, плясало и ёкало так сильно, что аж дух захватывало.

Стоило мне только услышать от Написат о том, что Эльдар снова приедет, мир словно бы наливался красками — и я сливалась с хозяйкой этого дома в экстазе радости, предвкушения и подготовки.

И только строгая Раисат многозначительно смотрела на меня и поджимала губы.

Иногда этот взгляд пугал, но я тут же отбрасывала сомнения в сторону. Свои чувства я прячу мастерски. После смерти родителей научилась подавлять всё в себе. Сама же она меня научила — это твоя реальность, и другой не будет...

С Эльдаром мы тоже научились прятать свои чувства... И не только чувства...

Шёпот, касания, вкус губ и твёрдость тела, которая пьянила, возбуждала и пугала одновременно...

В первый раз он осмелился переступить черту от выразительных гляделок в сторону большего в августе...

На тот момент я уже заметила, что к матери в дом он стал наведываться всё чаще.

Стеснялась, сторонилась, невольно опускала глаза в пол.

А он смотрел. Всё время смотрел... Словно бы ласкал глазами, гладил просто взглядом...

И заставлял меня переживать самые яркие эмоции в своей жизни...

Я помню тот августовский бархатный день пять месяцев назад как вчера.

Солнце чуть приглушённое, не царапающее и жалящее, а ласкающее.

Я собираю малину на краю огорода, почти у горы. Ягоды ароматные, спелые, вкусные... И пускай ветки с шипами то и дело впиваются в подушечки пальцев, не желая отдавать драгоценный урожай и приберегая его для щебечущих птичек...

— Помочь? — слышу сбоку голос, вызывающий в душе такое цунами, что едва не падаю на месте.

Он приехал вчера ночью. Сквозь сон обрывками я слышала лай собак, рёв мотора, как открываются с характерным стуком ворота и пропускают позднего желанного гостя в дом...

Я и за ягодами-то убежала, потому что хотела помочь тёте Написат приготовить на завтрак варенье-пятиминутку к блинам.

Она всегда любила баловать ими Эльдара по приезду — это было его любимое блюдо с детства...

— Я почти управилась, — кивнула головой в наполненное до краёв лукошко и отвела глаза.

Улыбку, скользнувшую по его губам, поймала скорее интуитивно...

Я вообще слишком хорошо его чувствовала.

Может быть, именно поэтому сразу поняла, что у нас это взаимно... эти дикие, необузданные эмоции.

— Попробовать дашь? — делает шаг ко мне, а у меня голова кружится от его запаха.

Он пахнет дорогим парфюмом — совершенно анахроничным в нашей деревенской простоте, сигаретами и кофе... Попил уже с утра...

Берёт из лукошка две ягоды. Одну кидает себе в рот, а другую...

Медленно прикладывает к моим губам, нежно размусоливает, приоткрывает зубы и кладёт на язык.

— Вкусно... — его голос становится ниже на пару тональностей.

Не спешит убирать пальцы от моих губ. Продолжает по ним водить...

— Думал о тебе, Малика... — шепчет он. — Всё время...

Моя грудь высоко вздымается. Её спирает тугая кофта поверх ситцевого платья.

Он опускает глаза на неё, и я в ужасе понимаю, что под тканью проглядывают острые соски. Как?! Я ведь в лифчике.

Палец медленно ползёт от губ по шее, огибает ключицы, поддевает ткань и медленно растёгивает — пуговица за пуговицей.

— Хочу посмотреть на малинки... — шепчет он, тяжело дыша.

Я безвольна в его руках... Совсем безвольна...

Совершенно...

Соски скручиваются в две спелые ягоды под его взглядом и открытым воздухом.

Он смотрит на них и тут же прикладывается губами.

Я вздрагиваю, словно бы подкошенная.

И только его крепкий захват не дает отступить.

Поцелуи — поцелуи. Жаркие, страстные, желанные.

Неумелые и отчаянные с моей стороны.

Сладкие, нарастяг, со вкусом — с его...

— Самая красивая девочка на свете... Ты знаешь, что ты для меня была с рождения? Что ты моя...

Обнимаю его, всхлипываю и обнимаю...

Глава 5

Люблю. Люблю... Как же я его люблю!

Только он способен меня оживить!

Только с ним я могу быть счастливой!

Шёл месяц за месяцем. Красивое лето, ставшее первым ярким пятном в моей жизни после смерти родителей, сменилось золотой осенью, а она перешла в зиму.

Раньше бы я сильно боялась зимы в горах, но не сейчас. Сейчас у меня на душе было всегда только лето...

С того дня у малинника Эльдар стал приезжать ещё чаще.

Быстро решал свои рабочие дела, а остальное время мы умело проводили вместе...

Поводов скрыться от ненужных глаз он придумывал уйму, да и прятался реально профессионально.

А я просто слепо ему доверяла.

Таяла в его руках.

Позволяла всё больше, но ту самую последнюю грань, за которой я бы навсегда распрощалась с девичеством, мы не переступали...

— Я берегу это для особенного случая, лапуля... — шептал он мне, раздираемый диким экстазом, алчным желанием, невероятными усилиями сдержать себя...

Трогал... ласкал... Говорил мне, какая я отзывчивая и чувствительная девочка...

Обожал смотреть на то, как он доводит меня до высшего удовольствия.

Как жалобно, почти болезненно я стону, жмурясь и зарываясь лицом в его мощной шее.

— Скоро ты станешь моей полностью, Малика... — шептал он после, когда я пыталась прийти в себя, а он хрипло смеялся, что то, что я сейчас испытываю, это лишь бледная тень того удовольствия, которое он мне подарит, когда станет моим мужчиной полноценно...

Я ждала... Я так ждала...

Совсем скоро, как я услышала из разговора Раисат и Написат, должен был приехать Аскеров старший. Эльдар доделывал рыбхоз. Планировался большой праздник.

Почему-то я была уверена, что вот тогда-то он и откроет правду о нас отцу...

Мне уже почти год исполнилось восемнадцать лет. Я не училась. Смысла просто держать меня в доме не было...

Явно меня просто берегли на выданье...

И Эльдар не зря так часто здесь...

Просто все тактично делают вид, пока официально не последует предложения...

Декабрь... Лютые морозы.

Мы топим дом не только печами и каминами, но даже электробатарейми.

Я знаю, что он приехал ещё вечером, но не видела его — он всё ещё на базе, занимается своими делами. Как поняла, из-за незапланированных морозов что-то там вышло из строя. Форс-мажор...

Ушла к себе в комнату, как только стемнело.

Зимой в горах день заканчивается быстро.

Почитаю, посмотрю сериал — хоть как-то отвлекусь, чтобы не думать о нём...

— Малика, я баню натопила для Эльдара, но он написал, что поздно приедет. Чтобы его не ждали. Сходи, попарься, а то тепло пропадает. Тебе полезно. Только же трахеитом болела две недели назад, — постучала в дверь Написат.

Я послушно кивнула.

Быстро надела толстый банный халат поверх белья, собрала волосы наверх, взяла шапочку из войлока, чтобы голову спрятать...

Выскочила из комнаты, понеслась в цоколь, где была оборудована баня, которую топили обычно только тогда, когда мужчины в дом приезжали...

Захожу в тёмное пространство — уже прогретое жаром парилки. Пахнет мёдом и деревом. Расслабляет.

Включаю свет и дёргаюсь — Эльдар там...

— Ты же в рыбхозе? — нервно оглядываюсь и подаюсь назад.

— Тише... — настигает меня в два шага. — Тише, лапуля... Соскучился...

Притягивает к себе и впивается в губы...

Глава 6

Щёки горят — и не от жара помещения, уже прогретого парной.

Он так смотрит... Всё это так правильно и неправильно одновременно, так противоречиво...

— Не бойся, лапуля... — хрипло шепчет Эльдар, нежно обводя контуры моего лица, словно бы его рисуя. — Все в доме думают, что ты тут в бане одна... А я предупредил мать, что всё-таки не приеду — дела в рыбхозе, а потом в городе... У нас пара часов... Никто не помешает...

Он говорит это — а моё сердце ухает в пол. От страха и радости одновременно... Эмоции такие контрастные и яркие, что задыхаюсь... Я задыхаюсь от него... Он — это слишком...

Какой красивый, сильный, идеальный...

Подходит к двери, предусмотрительно несколько раз дёргает засов.

Поворачивается ко мне с таким тяжёлым, тёмным взглядом...

Таю под ним. С ума схожу...

Он — всё...

— Покажи мне себя, Малика... Устал смотреть на тебя урывками... Хочу увидеть свою женщину во всей красе...

Говорит — и от центра груди миллиард мурашек разбегаются... Хочу, хочу, чтобы он смотрел... Как хочу... И боюсь этого...

Робко тянусь к молнии платья, она не поддаётся — и он помогает.

Нежные поцелуи вдоль позвоночника, срывающие с уже искусанных губ стон.

Тёплые большие руки на дрожащих плечах...

Платье у ног.

Он обходит меня и так жадно смотрит...

А я стесняюсь, что вот такая сейчас... По сути неухоженная... В домашнем старом белье, без эпиляции...

Я думала о том, что такой мужчина, как Эльдар, не может быть без женщин...

Там, в городе, у него они, конечно же, есть... Шикарные, утончённые, знающие себе цену, пахнущие изысканными ароматами, а не фермой. А я... доярка...

Вот кем я стала без родителей...

И всем на меня наплевать, кроме него самого...

Потому что этот взгляд сейчас — не как одолжение или благотворительность, с которыми смотрит Раисат, Написат и другие женщины в округе.

Он жаждет меня...

Он меня хочет.

Вот как это называется.

Теперь я знаю, как выглядит мужское желание...

Бельё тоже летит к платью — он жадно впивается в очертания моего тела, обводит и взглядом, и руками...

— Это божественное тело создано для того, чтобы носить самое красивое бельё... — шепчет он, срывая голос о своём возбуждении.

Поднимает и сам собирает мои волосы наверх, целует шею — так вкусно, так соблазнительно.

Смелая опытная рука ныряет между ног — я вздрагиваю...

Кавказской девушке никогда нельзя терять голову. Потеряет — считай, пропала... А у меня кроме того, на что он сейчас покушается, больше ничего нет.

— Эльдар... — выдыхаю рваный протест, слабый и жалкий, но... он всё равно должен его услышать, если я и правда ему дорога, как он говорит.

Он дышит. Тяжело, в мою кожу. Словно бы долго бежал и сейчас пытается перевести дух.

— Я только посмотрю и сделаю тебе приятно, лапуля... Ничего больше, не волнуйся... Я уважаю твою чистоту. Она важна для меня... — вразумляет.

Гладит и успокаивает.

Я сглатываю и киваю...

Разворачивает меня тут же.

Какой же взгляд у него горячий...

— Малыш... — его голос — отдельный вид сладкой пытки. Он словно бы играет на тонких струнах моей души. Нестерпимо... Невыносимо приятно...

Берёт мою руку и рассматривает пальцы. Я снова тушуюсь — у меня ни маникюра, ни кожи шелковой. Только цыпки от того, что ледяной водой мыла чаны на улице из курятника...

— Эти руки не для тяжёлой работы, — нежно гладит, обводя пальчик за пальчиком. — Они для другого созданы...

Порочная улыбка, зовущая, как топь — утягивающая куда-то вниз...

Кладет мою кисть на свою грудь, где сердце бьётся так сильно и неистово, что я снова начинаю задыхаться...

— Раздень меня, Малика... Хочу, чтобы ты всегда меня раздевала своими красивыми пальчиками.

Мои движения скованные и неуклюжие, но я отчаянно ступаю на запретную полосу. Верю ему. Так верю...

Пуговица за пуговицей, ремень. Штаны падают вниз — и я наклоняюсь, чтобы их подхватить и они не помялись. Автоматически поднимаю глаза на него и вижу, как вождь-ленно-порочно, темно он смотрит на меня у его ног.

Кладет руку на мою голову, зарывается в волосы.

— Это наваждение какое-то, малышка... Ни одна женщина так не заводила меня, так не занимала все мои мысли... Только твой запах ищущий, только тебя... В каждом вдохе и выдохе... Заколдовала меня... С первого взгляда...

Говорит...

Господи, пусть говорит без остановки. Снова и снова. Говорит, говорит.

Это с ума сводит меня. Никогда в жизни такого я не переживала. И мысль о том, что мой образ прекрасного принца реальный, что вот он, тот самый мой Эльдар, делает меня самой счастливой на свете... Самой-самой...

Да, я лишилась самых близких, но Аллах не был ко мне бессердечно жестоким. Он послал мне заботливого, любящего, искреннего мужчину, который защитит... Папа на том свете может быть спокоен...

Глаза на уровне его паха, и я всхлипываю — потому что там...

Господи, там что, монстр?

Эльдар следит за моим взглядом и улыбается.

— Не бойся его, лапуля... Приласкай... — шепчет, как змий-искуситель. — Нам за это ничего не будет... Просто посмотри на него... Он такой только потому, что ты рядом... Совсем по тебе с ума сошёл...

Робко тяну руку к его паху, оттягиваю резинку трусов. Что я творю...

Что?!

Дура, дура, Малика! Где твоя честь? Где твоя гордость?! Ты что, падшая дешёвка? Он говорит — а ты выполняешь при первом его слоге...

Выполняю...

Я люблю его.

Всегда любила...

Эльдар не предаст.

Я знаю, что он искренний со мной...

Когда вижу его плоть, жмурюсь.

Он берёт мою руку и накрывает ею себя.

Как у мужчины всё иначе, непривычно, пугающе...

Как... волнительно.

В его возбуждении такая сдерживаемая мощь...

Сжимает моим кулаком сам, направляет вверх-вниз, сипло хрипит...

— Сказочно, лапуля... Просто с ума сойти...

Я снова ловлю себя в ощущении, что мы свернули на опасную скользкую дорожку, снова себя торможу, вырываю руку, отступаю автоматически на пару шагов, отчего моя грудь качается, и от его жадного взгляда это тоже не ускользает.

Теперь совершенно голый, одержимый, он наступает на меня...

— Чего ты боишься, малыш? Ты же видишь — вот он, я... Ничего от тебя не скрываю...

Глава 7

— Ты... ты мужчина, Эльдар... — шепчу я, едва не плача от разрывающих эмоций. — Чужой мужчина... А я просто девушка, у которой ничего нет, кроме... чести... Я... Я учиться хочу, я ведь в институт готовилась, а не коров доить, а сижу тут, выкинутая в горы... Ты иногда приезжаешь — и это единственная моя радость, но... Я ведь ничего о тебе не знаю... Мы даже не переписываемся, потому что телефона у меня нет...

Меджид запретил.

Сказал, чтобы кредиторы отца не донимали.

А мне всё равно было, пока Эльдар в моей жизни не появился. Потому что с кем мне переписываться было? Смысл было держаться за старых школьных друзей, если меня выдрали из той старой жизни? Только боль в этом и нестерпимое сочувствие с их стороны, которое было травматичнее самой этой боли...

Он хмурится. Но продолжает наступать. Снова и снова...

— Ты моя, Малика... С детства была мне обещана... Не переживай ни о чем. После запуска проекта я поговорю с отцом, и мы решим этот вопрос — отпускать тебя, такую красавицу, в город на учёбу без присмотра не может быть и речи. Так что мы поженимся — и пойдёшь учиться... Я же не тиран... И вижу, что ты не создана для этой жизни неотёсанной...

«Поженимся»!

Он сказал «поженимся»!

Радость вибрирует по всему телу табунами мурашек!

Господи, как же я счастлива от этих слов! Как счастлива!

Он подхватывает меня на руки с рыком, а я зарываюсь в его густые волосы.

Люблю... Люблю... Горю...

Заносит в парилку.

Жарко. Кожу обдаёт огнём, но тот, что внутри, — ещё жарче.

Чувствую, как ягодицы касаются тёплой поверхности дерева лавки.

Он заставляет меня опрокинуться, сам пристраивается ниже.

Бесстыдно разводит мои бедра.

— Нет... — выдыхаю в агонии смущения.

Снова улыбается своей белоснежной улыбкой, откидывает прядь с лица.

Напряжённый, страстный, мой...

— Никогда это никому не делал, лапуля... Ты первая и последняя... Моя сладкая девочка... Моя...

Я ахаю, пытаюсь закрыть ноги, зарываюсь руками в его волосы — но остановить его уже не могу.

Эльдар касается меня там своим языком.

Гладит, сосёт, прикусывает.

Заставляет сойти с ума...

— Созданная для меня... — шепчет он одержимо... — только для меня...

— Для тебя... — выгибаюсь дугой и впервые в жизни взрываюсь таким сокрушительным, всепоглощающим фейерверком удовольствия, что даже понять не могу, где я, кто я, что мы только что сделали... Он сделал со мной...

В бриллиантовых осколках. В золотой мелкой крошке. В звездах...

Я поражена и поглощена им.

Назад пути нет...

Он гладит мои бёдра, целует их нежно, жадно впитывает каждый всполох моего экстаза...

— Я никогда и никуда тебя не отпущу от себя, малышка Малика... Ни за что... Во всём белом свете одну тебя отыщу... — шепчет, как заклинание.

Мозги всмятку. Я даже не успеваю вникнуть в его роковые слова. Просто лежу, поражённая пережитым, а духи гор, которыми так любит Раисат пугать маленьких детей в округе, танцуют над нами свой танец неизбежности...

Наверное, когда это судьба, так и бывает — однажды наступает тот момент, когда вы друг для друга становитесь неизбежными. А вот плохо это или хорошо, счастье за этим или горе, ведомо только этим самым духам.

Глава 8

— Что-то щёки у тебя красные, Малика, — задерживает на мне свой пронзительный, пристальный взгляд Раисат.

Слишком подозрительно она смотрит на меня последние дни.

Прямо не по себе.

Задумчиво так, многозначительно...

— Жара нет у тебя? — касается моего лба, проверяет словно бы температуру, я на автомате отшагиваю от чужой холодной руки. — Взгляд какой-то шальной у тебя, девочка... Ничего не случилось? Точно? Температура вроде нормальная...

— У меня всё хорошо, за исключением того, что я должна была бы сейчас быть занятой учёбой в институте, — надавила я опять на старую мозоль. С Раисат я начинала и заканчивала разговор именно темой института. Мне почему-то интуитивно казалось, что она как раз может меня услышать, может понять, может в итоге принять и как-то повлиять на Меджида. Кто бы что ни говорил, а свою сестру, в отличие от жены, глава семейства слушал. Я понимала это по маленьким, незначительным деталям, по тому, как сама Написат часто с умоляющими глазами смотрела на золовку и надеялась, что та сможет достучаться до её мужа в тех вопросах, в которых у неё самой не получалось...

— Мы уже это обсуждали, Малика... Выйдешь замуж — и делай, что муж разрешит. А тут некому за тобой приглядывать... А ты уже созрела... Знаешь, что это значит?

— Не понимаю, к чему вы клоните, — вскинула я голову.

— Созревшая ягода, Малика, если её вовремя не сорвать, начинает бродить... А алкоголь у нас не в почёте... Он подходит только для падших, гулящих и бесчестных людей, сама знаешь наше общество... Не дело вкусной сладкой ягодке превращаться в брагу...

Она прожигала меня глазами, буквально жарила...

Что это значило?

— Максимум, чего могу тебе обещать, что поговорю с Меджидом о том, чтобы поскорее выдать тебя замуж.

Моё лицо, наверное, просияло, потому что мысли сразу метнулись к Эльдару... Он ведь говорил, что тоже подготовит отца... Праздник по открытию рыбхоза уже в конце недели... Может, потому Раисат такая напряжённая? Смотрит на меня теперь не как на приживалку, а как на... будущую невестку... С невесток у нас ведь большой спрос...

Холодные костлявые пальцы касаются моего подбородка, поднимают лицо так, чтобы посмотреть в глаза.

— Скажи мне, девочка, есть ли что-то на кончике твоего языка, что могло бы слишком сильно ужалить, если не знать об этом?

Витиеватый вопрос... И такой намёк в глазах, что аж ток пробегает... О чём она? Она что-то подозревает о нас с Эльдаром?

— Мне нечего скрывать, — отвечаю честно...

Что бы ни было, я чиста... То, что на сердце, это только моё и его, а тело... Он сам сказал, что чтит мою честь...

— Это хорошо, Малика... У меня просьба к тебе будет. У меня сыр заготовлен со вчерашнего вечера. Можешь голову отнести в дом к Умбекову Раджабу?

— Это глава района? — спросила я, поняв, что речь идёт о большом красивом особняке на возвышенности в конце улицы.

— Ему самому. Позвони в дверь, тебе откроют. Я предупредила, что моя племянница придёт, принесёт.

Раисат улыбнулась мне.

И мне даже искренней показалась в тот момент её улыбка.

Я тоже улыбнулась.

До дома Умбековых я дошла быстро.

Немного стеснялась, но дверь мне отворила приятного вида доброжелательная женщина. Через пару мгновений в ней я признала ту самую третью, что обсуждала меня, когда я только оказалась в доме у Аскеровых после смерти матери.

— Проходи, лапочка! Давай чай с медом горным попьём! Брат только привёз сегодня с утра! У него пасеки в соседнем селе! И дочь тоже дома! Вы же с ней ровесницы! Давай познакомлю! Вы точно с ней найдёте общий язык!

Глава 9

— Я доволен, сынок. Очень-очень сильно доволен... — сказал отец, расслабленно откинувшись в кресле.

Перед нами стояла початая бутылка коньяка. На людях Аскеров категорически запрещал пить себе и людям, но по особым поводам, чисто за закрытыми дверями, со мной и Анзором, он мог пригубить исключительного пятизвёздочного местного коньяка. Терпкого, крепкого и эксклюзивного, каким был он сам и его решения.

— Честно скажу тебе, когда ты предложил такой смелый проект, я решил, что это блажь, правда, которую мы сможем себе позволить, но исход... — поражённо и удовлетворённо разводит руками. — Потрясающий. У нас ещё открытия не было, а уже очередь... туристический маршрут специально изменили.

— Ты просто недооцениваешь наш потенциал, пап. Этот регион — золотая жила. И я хочу, чтобы он гремел на весь мир. Анзор поддерживает меня. Мы вообще решили с ним в этом вопросе разойтись по бизнесу. Он берёт промышленность, я — рекреацию. Хорошо, нет? Твои сыновья покрыли всю республику...

Аскеров удовлетворённо улыбается.

Он любил, когда я подчёркивал, что Анзор тоже его сын.

Сын от любимой.

В отличие от меня...

Видит Аллах, факт того, что отец не испытывал ничего к моей матери, никак не отражался на наших с ним отношениях.

Но когда Меседу снова появилась в жизни Меджида...

Взрослой женщиной с непростой судьбой, с давно выросшими детьми и своими женскими травмами, мой мир перевернулся.

Перевернулся от того, что я увидел в его глазах.

Он любил её. Она была его факелом, освещающим давно потухшие глаза.

У отца были молодые любовницы — постоянные и не очень, милые и роковые, разные были. Яркие громкие женщины любят кавказских мужчин, а кавказские мужчины любят удовольствие, которое приносят им яркие громкие женщины.

Но с Меседу речь была о другом. Это карма, профиль твоей жизни. Это её пульс и смысл.

Эта своенравная женщина продолжала держать его на коротком поводке и не давала чётких ответов, но он жил ею.

И я понял, что хочу так же...

А понял сразу, когда увидел Её.

— Умбековы тоже молодцы, — вернул меня в реальность Меджид. — Сильная семья, благородная и ресурсная. Породистые люди в хорошем смысле этого слова.

— Согласен... Аббас мне очень помог с документами. Без него со старейшинами вопросы бы не решились так быстро.

— И ещё поможет, Эльдар. Я долго думал глобально о всех твоих планах. И считаю, что всё-таки то предложение Раисат было верным. Она мудрая женщина и со стороны видит то, что оптимально для семьи...

Я напрягся.

Честно говоря, когда тётка вскользь закинула отцу очередную свою хитрую идею, я даже внимания не обратил.

Мои мысли напрочь были вытеснены моей доярочкой с руками аристократки.

Мали... Моя девочка... Только для меня...

Полгода она будоражит моё сознание — а ведь за это время, если бы это было просто блажью, всё бы испарилось, как алкогольные пары...

После того, как я раздел её и попробовал её вкус, другие женщины напрочь потеряли для меня свою ценность.

Не то, пресно, неинтересно, приторно, глупо...

Я хотел её чистоты, искренности, нежности...

Хотел этого слепого обожания в глазах.

Хотел, чтобы она понимала, что я её бог, что я вытащил её обратно на солнце из темноты.

Поселил бы её у себя, дал бы мнимую свободу, даже позволил бы нарочно учиться, чтобы не хмурила свои соболиные писанные бровки...

А ещё бы трахал её. Трахал, трахал. Трахал...

Я просто хотел иметь её. Иметь всецелую власть над её телом. Хотел оставить в ней своё семя, когда наиграюсь в порочные игры, хотел, чтобы она рожала от меня, чтобы ждала с работы, чтобы молча и безропотно принимала мою волю... Никогда такого с женщиной не хотел, а с ней захотел...

Малика виделась мне идеальным тылом. Женщина, которую я воспитаю под себя. Женщина, которую я хочу и которая принесёт мне только радость...

Удивительное чувство, понятное и приятное.

Я смотрел на Анзора и на его страсти. Понимал, что его Рада за него глотку порвёт любому, но она и самому Анзору могла её порвать. Эта та женщина, перед которой он сам подсознательно бегаёт на задних лапках. И я совершенно не мог понять, как это его цепляет, как не задевает его гордость.

Я не хотел себе такую. Мне нужна была тёплая, соблазнительная, вылепленная мною же под меня. Беспроблемная хорошая девочка, которой я покажу жизнь, которая будет уметь делать плохие вещи, которым я научу её, которыми я её испачкаю. Не природная сучесть, не внутренний зов самки, а я сам...

Её красоту нужно было вовремя укротить. Посадить на цепь, чтобы не вырвалась на волю и не одичала...

И об этом как раз я и хотел поговорить с отцом... И тут... такой попадос...

— Алжан — хорошая девочка, сын, — ты видел, какая фигурка? В институт поступила. В сентябре переезжают в столицу, чтобы она училась. Я считаю, что надо нам её засватать...

Я в упор посмотрел на отца.

— Я хочу Малику, отец. Я говорил тебе.

Меджид усмехнулся. Спокойно и сдержанно.

Сделал большой глоток виски.

— Мать Малики была очень красивой женщиной... Когда она появилась в республике с её отцом, у всех челюсти пообвисали.

— В смысле появилась? Она ведь наша...

— Она не наша, сын. Кровью — наша, но душой... — посмотрел вдаль отец. — Раисат считала, что она ведьма... А может, и так? Откуда-то же вся эта чертовщина в нашем мире берётся... Не зря же все про неё говорят... Малика в неё вся. Я сразу это почувствовал, когда её увидел. Непокойно будет её мужу. Помяни моё слово.

— Пап, — раздражённо закатил глаза. — Что ты говоришь? Какая чертовщина? Какая ведьма? Она просто красивая чистая девочка, про брак с которой вы всё детство мне твердили. Она нравится мне, а я нравлюсь ей. Я хочу, чтобы мы после открытия поженились. Не надо никаких церемоний. Просто сделаем никях, и я её заберу с собой в город.

— Тебе нужна Алжан, сын... — в упор посмотрел на меня Меджид. — Потому что без Умбековых ничего на этих землях не получится. Ты горишь этим процессом. Горишь проек-

тами. Когда они предлагали нам договор, её отец прямо сказал, что хотел бы этого брака. Ты согласился...

— Тогда я не видел Малики! И тогда не знал, что просто ни к чему не обязывающие любезности на словах — это клятва крови по-твоему! Почему-то тебе не мешало десятки раз говорить, что именно Малика моя невеста, а сейчас наплевать на свои же слова.

— Отца Малики больше нет. Она никто. Её богатство — её красота. Опасная красота, сын. Ты зря считаешь её овечкой. Такая скрутит тебя в рог не хуже, чем Рада Анзора. Только Рада — понятная благородная девушка, любовь которой к Анзору доказана временем, а Малика — тёмная лошадка... Я против, сын. Такие женщины созданы для другого...

— Для чего? — усмехнулся я и тоже отпил больше, чем планировал.

— Похоть, страсть, дикость... Но для всего этого у тебя есть более доступные, менее проблемные... Которым, на худой конец, не страшно сломать жизнь. Женщины уже из такого круга понимающие и комфортные. А Малику придётся ломать. Она ведь не виновата в том, какую участь ей уготовила судьба... Возьми другую в качестве игрушки. Доступную, понятную, продажную... А Малику оставь тому, кого её огонь не тронет в силу опыта и возраста... Ты ещё слишком молод, а он...

— Кто?! — я со всей силы ударил полунаполненным бокалом с коньяком об стол. Ярость не просто вибрировала в моей крови — она кипела, пенилась и лишала рассудка. Это была даже не ревность, нет. Чтобы ревновать, надо сомневаться в принадлежности. А Малика была моей! — Что ты напридумывал со своей каргой Раисат?

Меджид встретил мою ярость выдержанно и упёрто.

Казалось, он словно бы смотрел со стороны и внушал — пройдёт, пройдёт... Мне это знакомо...

— Брат Раджаба Умбекова — хороший, уважаемый человек. Ему пятьдесят. Он вдовец. Есть десятилетний сын. Она понравилась ему, когда ходила к ним в дом, сыр относилась. Они наводили справки, и я считаю, что нужно ковать железо, пока горячо...

Я вскочил на ноги.

Грудь раздирала такая дикая негативная энергетика, что захлёбывался...

— Этому не бывать! Малика станет моей, отец! Я её хочу!

Меджид чуть скривил лицо в кислой усмешке.

— Ты наивно полагаешь, что можно одурачить весь мир, но мир мудрее тебя и старше, сынок. Про твою нездоровую страсть к девчонке уже слухи ходят по селу. И про то, что ты инкогнито в материнский дом приезжал и перелезал через забор — тоже... Я надеюсь, ты не наделал делов и она всё ещё невинна? Умбековы знают про эти твои выходы и вчера выдвинули мне ультиматум — либо ваш с Алжан брак, либо расторжение сделки. Для гарантии пред-

ложили женить Малику с Аббасом. Она приглянулась ему. Он готов её взять. И это охладит твой пыл. Он увезёт её подальше. Она родит ему детей. И станет его головной болью, а не твоей.

— Ты... мне угрожаешь? Условия ставишь?! Опыта Анзора тебе было мало?

Меджид раздражённо выдыхает и отворачивается к окну.

— Опыт Анзора совсем другой, сын. Нет, я тебе не угрожаю. Если считаешь, что не совершишь главную ошибку своей жизни, рви когти к своей Малике прямо сейчас. Я просто констатирую факты, перед которыми мы стоим. Решать тебе... Ты сам положил все яйца в одну корзину, Эльдар. Заниматься рекреацией после такого решения ты сможешь только между ног у Малики, а не в республике. Вот тебе правда. Подумай до открытия. Пару дней у тебя есть...

Я вылетал из кабинета отца, как лава из жерла вулкана. Грудь горела.

Мозги плавилась от ужаса и раздирающей боли.

Сел в машину. Дышу. Тяжело, часто, громко...

Этот проект — и правда моя жизнь.

Он и правда — весь я.

Другого будущего я для себя не видел, но Мали...

Без неё я тоже не видел своего будущего...

Смотрю перед собой. Думаю, думаю...

Аллах, пошли мне верное решение.

Дай знак. Пусть я найду способ быть с той, на кого так искренне откликается сердце.

Услышь меня...

Меня услышал.

Но не Аллах.

То, что началось дальше, что я сам запустил, вдавив педаль газа на полную, было наветом бесов, а не Всевышнего...

Сейчас я понимаю это точно.

Глава 10

— Какая ты всё-таки красавица, Малика, — одобрительно оглядывает меня Раисат. У меня сердце бьётся в груди, как у горлицы. Впервые за эти месяцы в доме Аскеровых я надеваю что-то красивое... Я иду веселиться, а не просто сидеть невидимкой... Послушной, полезной и беспроблемной...

На мне голубое платье в пол с очень красивой вышивкой. Изысканная работа. И размер мой. Точно знаю, что речь не о том, что мне досталось что-то, стянутое с «барского плеча»...

— Волосы можно собрать наверх, но под платок убирать не будем. Не так строги нравы к незамужним девушкам в нашем районе. Свою красоту ведь надо ещё показать... Иначе как весь мир узнает, какая ты куколка родилась... В какую королеву выросла... — речи Раисат сегодня — мёд... И я даже понять не могу, что это она так изменилась...

Может быть, всё дело в том, что накануне к нам приехали Меджид с Эльдаром и глава семейства долго разговаривал о чём-то со своей старшей сестрой за закрытыми дверьми?

Эльдар был слишком занят, чтобы уделить мне время — лишь прожёл взглядом, послал воздушный поцелуй, пока никто не видел, и был таков...

Казалось, все только и делали, что готовились к сегодняшнему большому дню. Даже на свадьбе и то хлопот меньше...

Огромные столы с угощениями прямо на базе, музыканты, гости, говорящие на самых разных языках мира...

Эльдар говорил мне, что этот проект станет краеугольным камнем в его рекреационную империю, что он сделает из нашего края туристическую Мекку...

Я восхищалась его энергетикой, харизмой, смелостью... Он говорил о своём детище — и его глаза так ярко светились...

Когда с утра Раисат сказала, что я тоже обязательно буду на празднике, сердце ёкнуло...

Может быть, Аскеров рассказал ей о планах Эльдара взять меня в жёны? Ведь любимый говорил мне, что тянуть не хочет, что разговор с отцом на повестке...

Теперь я не просто приживалка в их доме, бедная сиротка со сломанной судьбой. Теперь я... невеста? Как романтично... Мы сможем делать отсчёт нашему счастью от момента, когда Эльдар запустит своё детище...

Выдвинулись с женщинами в сторону рыбхоза вместе. Когда мужчины уже все уехали. Сердце продолжало колотиться. Все смотрели на меня весело, торжественно и восторженно. Хвалили мою красоту, восхищались тем, какая я ладная, как прекрасно на мне сидит платье...

Четверть часа — и минивэн довёз нас до места. Тут уже громко играла музыка и пахло шашлыком.

— Пойдём за мной, Малика, — деловито сказала Раисат, которая не стала изменять своему привычному чёрному — с той лишь разницей, что на ней сегодня был богато вышитый платок...

Мы сели за большой длинный стол прямо на улице, на территории большого ресторана под открытым небом. Здесь много женщин с нашей улицы — тоже все красиво наряжены. Написат тепло здоровается с Умбековыми. Те меня тоже радушно обнимают. Мы мило целуемся с улыбчивой Алжан — когда я приходила к ним в дом с сыром, меня все там приняли очень тепло, а ведь люди важные... Оказывается, их семья хорошо знала семью моей матери... Хотела бы я у них расспросить побольше, но тогда не успела — за мной пришла Написат и быстро позвала домой...

Внизу плескалась дикая, резвая река, она бушевала и шумела даже несмотря на грохот барабанов и зурны. Невольно поймала себя на мысли, что ностальгирую... Что точно так же вот мы пару раз собирались на родине с родителями... Приезжали их друзья, в том числе и сам Аскеров... Тогда он был так ласков и добр ко мне, а сейчас я даже больше с ним толком и не пересекалась... Взросление неизбежно накидывает на женщин на Кавказе вуаль — не только в буквальном смысле, но и умозрительном...

Начались танцы. Я с удовольствием смотрела, как танцуют парочки, как атмосфера становится всё легче и непринуждённее. Именно танцы были тем самым фактором разрядки на любом кавказском мероприятии, именно через танцы только и можно было социализироваться мужчинам и женщинам в этой строгой среде...

Когда на танцпол выходят парочки — когда смотришь, как парень приглашает на танец девушку, такие токи бегут... Прямо чувствуешь этот разряд энергии, флюидов, интереса, спрятанного в толще строгих традиций и костных нравов... Невольно ищу глазами Эльдара — его нигде нет, хотя Аскерова-старшего я вижу...

Кавказские танцы — это воплощение силы, грации и древней традиции, передающейся из поколения в поколение. В каждом движении — дух гор, гордость предков и безмолвный рассказ о чести, любви и свободе. Мужские танцы поражают своей стремительностью и отвагой, будто танцор летит над землёй, словно орёл в небе, а женские — грациозны, словно журчание горного ручья, наполненные скромностью и величием. Эти танцы — не просто искусство, это язык сердца, в котором звучит душа Кавказа...

— Малика? — не сразу слышу, как меня окликает Раисат, просто моя доброй феей-крёстной этого вечера, не иначе... — Задумалась, девочка? Смотри, тебя на танец приглашают. Иди, потанцуй, отвлечись.

Поднимаю глаза и вижу перед собой взрослого седовласого мужчину с благородными чертами лица и мягким взглядом. По его виду ясно — он стесняется, ему неудобно, не его это роль — приглашать молоденьких девочек на танцы... Смутно припоминаю, что его я тоже видела в доме у Умбековых...

Снова на автомате оглядываю всё вокруг — Эльдара нигде нет. Улыбаюсь скромно, глаза в пол, встаю...

Я занималась танцами, и потому для меня происходящее сейчас на танцполе не нечто анахроничное и непонятное.

Мы танцуем. Музыка, шум, хлопки, улюлюканье, грозный шёпот реки рядом... Всё смешалось в единый, дикий голос гор. Голос моих предков, моей крови... Я могла и дальше жить в Москве, вдали от всего этого, но сейчас я здесь... Волею судьбы... И моё сердце откликается на этот зов...

А ещё горы подарили мне Его... Мою настоящую искреннюю любовь. Думаю о Нём — и плечи сами собой распрямляются, а руки ещё выше вздымаются вверх...

В этот момент я опускаю глаза и вижу Эльдара. Он стоит чуть в стороне и смотрит в упор на меня. Так горячо, так открыто, так красноречиво, что я даже оторопела...

Глава 11

Меня бомбит.

Увидел её даже на расстоянии в две вытянутые руки с другим — и накрыло. До этого горел, но не думал, что боль от огня ревности такая сильная.

Малика не может достаться другому.

Это даже не хотелка и не пожелание.

Это данность, которая будет в моей жизни, чего бы это мне ни стоило.

Наверное, она почувствовала исходящую от меня ярость, когда наши взгляды встретились.

Грациозный танец сбился. Моя девочка резко опустила глаза в пол и покраснела.

Аббас сначала растерялся, а потом, может, сам почувствовал. Резко посмотрел туда, где стоял я.

Наши взгляды пересеклись.

Без слов, без лишних движений.

Он и я.

Ярость и соперничество.

Всё этот старый ушлый говнюк прекрасно знал.

Знал, что я хочу Малику, возможно, даже думал о том, что я сорвал её девственность. Но его явно это не останавливало.

Слишком свежая, красивая и пластичная девочка, которую можно воспитать под себя, чтобы от неё отказываться, даже если порченная другим.

Это юнцу это важно. Или мне. Когда страсть к одной-единственной одержимая.

А ему — ещё одно выгодное приобретение...

Мутный тип.

По полгода живет за границей, какие-то схемы выстраивает вечно, деньги у него водятся. Не баснословные, но есть.

И даже если бы не Малика, связь с Умбековыми во многом из-за него казалась мне нехорошей идеей...

Этот мужик явно с двойным дном. И многое мы про него не знаем.

Зачем отец так рьяно хочет пристроить за него Малику? Реально ли дело только во мне? Или же это опять какая-то выгода и корысть, о которой он умалчивает?

Если рассуждать сухо и беспристрастно, например, как старая ушлая Раисат, есть в их действиях логика. Хороший богатый жених, остепенившийся. Вдовец, ребёнок взрослый... Такие реально идеальная партия для бедных красивых сироток, за которыми вроде бы как в ответе.

Но просто Малика не просто бедная красивая сиротка. Малика — самая желанная и красивая девушка на свете. И ведь не только для меня. Я понимаю, что окажись она сейчас в Москве, в своей семье, студенткой любого московского вуза, вокруг неё бы такие страсти нешуточные начались бы...

И сейчас вокруг неё страсти...

Между мной и братом Умбекова.

Он не отводит взгляд первым. Смотрим с вызовом и провокацией.

Как хозяин положения.

Потому что с утра я знаю, что между старшими всё уже решено.

Вот Малику и вырядили, как Мадонну — и платье даже новое наперли из того махра, что он подарил (прим. — «махром» называют подарки невесте от жениха, куда входят совершенно разные вещи, включая одежду и украшения).

Жаль, что девчонка пока ещё ничего об этом не знает.

Не знает, что не зря он её при всех сейчас на танец пригласил, не зря Раисат вдруг такой доброй и ласковой с ней стала.

— Эльдар, — слышу сбоку тихий, но осуждающий голос отца. — Ты забываешься. Люди видят...

Я перевожу на него равнодушный взгляд.

А я думал, ты благороднее, Аскеров. А ещё что-то говорил на Гаджиева (прим. — герой из книги «Кавказский Хищник. Хорошая девочка станет плохой»). В итоге сам живёшь только по корысти...

— Ты потом мне спасибо скажешь, Эльдар. И она тоже. Оставь девочку в покое. Не тронь. Страсть пройдёт — а она счастлива будет с ним. Нормальный, спокойный муж с достатком. Не урод. Не старый, а опытный. И реально нравится ему девочка. С тобой бы по-другому ей

было. Ты ж меня не проведёшь. Для тебя это просто развлечение. Сколько ты баб сменил за последние полгода? Сколько ещё их будет? Жаль Малику — она будет погибать от твоих измен, а даже поплакаться будет некому в жилетку, нет у неё никого. А Алжан будет к матери своей бегать через день, жаловаться на тебя, драматизировать, а потом опять возвращаться. Я же всё это с Написат проходил. Она привычна к такой жизни. У неё и мать так живёт уже лет пятнадцать, как отец стал себе вторых жён заводить каждые три месяца новых.

Слова отца чертовски правдивы. И ведь не поспоришь. Я бабник. И женщины для меня вкусны именно в своём разнообразии. Но... По-другому всё с Маликой. Я и сам не сразу себе в этом признался, не сам понял себя, да и сейчас понимаю с трудом...

Глубоко и тяжело дышу, руки в кулаки сжимаю.

Аскеров видит моё состояние.

— Отойдём? Тут не надо сейчас душу выворачивать, сын...

Мы спускаемся вдвоём к реке. Внутри всё в водоворот. Грудь сдавливает.

— Красивая девочка эта, понимаю, — бьёт меня по груди. — И что хочется её, тоже понимаю. Будь она доступна и искушенна, так не вело тебя, но... Хорошо, дальше что после одной ночи, двух, трёх? Готов будешь ей быть верным до конца своих дней?

— При чём тут это, отец? — раздражённо его осекаю.

— Да при том, Эльдар! Ты очень эгоистичен! С детства тебя балуют! С детства только о своих хотелках и думаешь! Она необразованная совсем, маленькая! О чём ты с ней говорить будешь после секса? Хватит её на тебя? Не хватит! Знаю я тебя! Малика — это не Рада. Малика — даже не Василиса или Фатима. Так же зовут жён твоих друзей? Они сформированными пришли в жизни своих мужчин, состоявшимися, а эта — просто пластилин чистого, красивого цвета, который тебя притягивает.

— Так вот я под себя её и слеплю!

— Нет! Не понимаешь ты, что ты — не слепишь! Ты просто разомнёшь и выкинешь, потому что станет неинтересно! Такие, как ты, надолго привязываются только к роковым, манким, себе на уме! Как Анзор к Радмиле. А ты просто сейчас развлекаешься! С тем же успехом мог съездить в Африку и приклеить себе на лето горячую мулаточку! Это просто экзотика! С шлюх перелезть на такую! Но только шлюха встанет и пойдёт, а мне за Малику перед Аллахом отвечать! Я ведь слово дал себе, что сделаю так, чтобы у неё в жизни всё было хорошо! Спокойно и стабильно!

Мы смотрим друг на друга.

Я думаю.

Сколько длилось моё самое долгое увлечение женщиной?

Год? Нет, конечно. Полгода...

Прав ли отец?

Если трезво посмотреть в зеркало на самого себя. Какова вероятность, что всё будет так, как он предсказывает?

— Я тебе сейчас одну вещь скажу, а ты решай сам. Опыт Гаджи очень показательный, Эльдар. Я не враг тебе. И уж тем более ты мне не враг. Только лучшего тебе желаю. И счастья. Ты сейчас к реке подойди, как я уйду, посмотри в воду. Меня так дед учил — говорил, что горная река уносит все лишние мысли, оголяет суть твою и истину. Вот ты посмотри в воды — и сам себе ответь — готов ли ты брать ответственность за эту девушку на себя? Готов ли быть с ней, понимая, что это теперь навсегда? С Алжаной сможешь развестись — ей есть куда вернуться, а Малике некуда. Она твоя обуза на шее на всю жизнь тогда. Если реально готов, то действуй. Её из дома пока всё равно не забрали. Скандал будет, но рано или поздно языки устанут говорить. День всегда сменяется ночью, а ночью всё равно хочется спать... Но если есть сомнения, то остановись. Пока не поздно, остановись. И перестань давать ей надежду. Аббас примет её. Они уедут. С глаз долой... Забудешь её. Или просто будешь помнить сладким романтическим воспоминанием. Будучи сам в хорошем крепком браке, с бизнесом налаженным, с сильнейшей семьёй Умбековых в тылу, которые реально тебе откроют дорогу в туризм Кавказа. С высоты опыта скажу тебе, что выбрал бы второй вариант. Как себе бы выбрал. Искренне. Уверен, что спустя, например, пять лет вы встретитесь — ты посмотришь на неё — с другим, счастливую, довольную, красивую и состоявшуюся — и сам удовлетворённо выдохнешь, что всё правильно сделал и не пошёл на поводу у похоти. Помяни моё слово.

— Но ты и Меседу...

— Это другое... Если бы Меседу была счастлива в браке, я бы и не помыслил. И не мыслил, хотя все годы она была рядом, будучи женой другого. То, что сейчас я пытаюсь что-то наладить, только потому, что она в разводе. Да и то, как видишь, получается не очень... Мы оба слишком взрослые. Не быть нам вместе в стиле любовных романов, понимаю я это. В жизни не всё как в сказке, сын...

Он уходит, а я реально подхожу к реке и долго-долго смотрю в её воды, наплевав на заждавшихся меня сверху гостей.

Жизнь не сказка...

Спустя пять лет я увижу её с другим, и у меня ничего не дрогнет...

Возможно, если бы Меджид не произнёс эти слова, я бы и прислушался к его доводам и правда бы освободил Малику от себя. Дал бы ей шанс на счастье с другим...

Но...

Закрываю глаза и думаю о ней — и понимаю, что с ней — сказка.

А когда представляю нашу встречу через пять лет и рядом нависает тень другого, понимаю, что нет. И чёрта с два. Она моя. А от меня не уходят.

В тот день я дождался позднего вечера и заплатил соседскому мальчишке за то, чтобы он пришёл к нам домой и сказал, что снаружи Алжан ждёт Малику, чтобы передать ей какой-то подарок.

Услышав фамилию Умбековых, матроны семейства с удовольствием отпустили ни о чём не подозревающую Малику наружу...

Тут-то я её и схватил, затащив на заднее сиденье машины.

Спустя мгновение тачка уже пускала пыль по грунтовой дороге, унося мою девочку в её новую жизнь. Со мной.

Глава 12

Сердце колотится, словно бы это какой-то древний, первобытный миф.

Я мчусь глазами от нависающей черноты снаружи салона несущейся по серпантину дороги и ему — не менее зловещему, загадочному, пугающему и дико влекущему...

Если сейчас мы бы остановились и открыли окно, воздух бы пах дурманящими травами и свежестью. Это такой навсегда запоминающийся запах, он словно бы часть твоего ДНК становится...

Я помню его с детства — в тот единственный раз, когда мы приезжали в горы с родителями и я была маленькая.

Папа тогда остановился и попросил нас с мамой выйти.

— Дышите... Это запах вашей родины. Это вы сами. Где бы вы ни были, куда бы судьба вас ни занесла, он в вас...

И сейчас он забрал меня в чарующий аромат именно такой ночи.

Пусть мы и не открывали окно, пусть я порывисто дышу совершенно мне ранее не знакомым запахом машины дорогого мужчины...

Кожа, мускус, его собственный аромат...

Щёки горят...

— Почему мы это сделали? — спрашиваю, невольно дрожа. — Твои родители против? Ты говорил с отцом?

Эльдар лишь усмехается, сильнее сжимая руль.

Он то и дело смотрит на меня прямо, словно бы приказывая оставаться на месте, словно бы боится, что я испарюсь...

— Ты ведь согласилась с тем, что моя, Мали... Ведь так?

— Да... — тону в его власти надо мной, которая буквально окутывает.

Я молчу, не решаясь спросить ещё чего-то.

И он молчит. Зато я буквально слышу его мысли.

Они тяжёлые... Там всё непросто... Против, против... Конечно, кто я теперь такая для такого, как Эльдар Аскеров...

— Как тебе тот старик, с которым ты танцевала, Малика? — вдруг резко выпаливает он.

Я тороплю. Он что, заревновал? Просто к танцу? Да это же... так... По-детски что ли...

— Отец и Раисат вознамерились выдать тебя за него замуж. Всё обговорено. Ты должна была стать невесткой Аббаса Умбекова...

Я в шоке смотрю на Эльдара.

Сердце уже не просто колотится.

Оно из горла моего вырывается горлицей на свободу...

Как? Как такое возможно?!

Потому Раисат была такой мягкой?! Потому я в этом idiotском новом платье, как племенная кобыла, напоказ?

— У нас с тобой не было другого варианта, малышка... — говорит он тихо, когда въезжает на подземную парковку какой-то элитной многоэтажки уже в черте столицы.

Я настолько шокирована была его словами, что и не заметила, что мы спустились с гор на равнину...

Даже свет города для меня померк, не цепляя глаз яркими витринами и чинными рядами фонарей и реклам.

Слова Эльдара затмили всё...

И его решимость...

Разве это не любовь, когда человек идёт вопреки всем и вся?!

Когда паркуемся, он обходит машину, резко распахивает дверь и решительно протягивает мне руку.

И я беру её.

Иду за ним. Мы поднимаемся на пару этажей, потом заходим в лифт.

Снова дикое волнение, вибрирующее во всём теле всё это время, словно бы выкручивая свой тумблер на максимум.

Нет пути назад, нет...

Я теперь принадлежу Эльдару.

И он с порога это мне доказывает — не успевает за нами захлопнуться дверь, как он хватается за талию и прижимает к стене.

Глава 13

Его губы везде. Жаждающие, жадные, провоцирующие такие незнакомые, такие острые и запретные эмоции. Я ведь не плохая, нет? Ведь эти чувства правильные? Нормально их испытывать с желанным и любимым?

Погружаюсь в нашу страсть, отдаюсь телом и душой — даю себя раздеть, даю бесстыдно рассматривать.

В квартире прохладно. Наверное, работают кондиционеры, но каждый раз, когда он пробегается по мне своим взглядом, по телу растекается дикая волна жара.

— Моя девочка, — шепчет он жадно, подхватывая меня под ягодицы и унося из коридора в одну из комнат. — Для меня созданная...

Следующий кадр перед глазами — высокий потолок с красивой хрустальной люстрой. Ощущаю под спиной прохладу гладкой простыни.

Он возвышается сверху.

Резко скидывает с себя оставшиеся вещи.

Я уже видела его обнажённым, но всё равно жуть как смущаюсь.

— Смотри на меня, девочка моя, — шепчет он, видя моё смятение, и хватается пальцем за подбородок, не даёт отвести глаза. — Ты не должна меня стесняться... Привыкай к этому телу.

Сглатываю напряжение, слушаюсь.

С ума схожу по его рукам и по его теплу.

Наконец-то мне тепло...

Зарываюсь пальцами в волосы, трогаю бесстыдно острые скулы, покрытые колючей щетиной, пока наши губы не встречаются в диком сладком поцелуе.

— Моя... — шепчет он, разводя мои ноги и подтягивая под себя за колени. — Только моя...

Смотрит туда, я пытаюсь сомкнуть и закрыть это бесстыдство, но он только хрипло смеётся и разводит ещё шире — до ноющей боли в связках.

— Всегда будь послушной в постели, малышка... Тогда будет много удовольствия и у тебя, и у меня... Всевышний создал нас такими именно для того, чтобы мы приносили друг другу удовольствие... Я хочу смотреть на твоё совершенное тело, а ты смотри на моё...

Сердце неистово бьётся в груди, сейчас случится... Сейчас всё будет.

Пылкий поцелуй на грудях — сладкий, влажный, чувственный, заставляющий выгнуться навстречу и сдаться окончательно...

— Потрясающая грудь... — шепчет он. — Завтра оденем тебя в кутюр... Чтобы потом его с аппетитом снимать...

Мгновение, второе, третье...

Я замираю, потому что он ловит меня своим взглядом, привязывает навсегда, замирает в унисон со мной.

— В глаза! — приказывает, гвоздит, требует, чтобы я запомнила этот момент...

Острая стрела боли — яркое чувство наполненности.

Вскрикиваю. Сжимаюсь. Кажется, что между ног — бревно. Кусаю губы до металлического привкуса.

Он не двигается. Только смотрит и впитывает момент...

Я пытаюсь свыкнуться с ощущениями и с пониманием, что я точно уже его... Нет пути назад.

Лицо Эльдара искажает гримаса наслаждения.

— Такая узкая... Расслабься, малыш... — шепчет он и начинает двигаться. — Ты просто сказка, Малика... С ума по тебе схожу...

Рывок, второй, третий...

Мы сливаемся вместе, даже боль сейчас — через удовольствие. То, что он во мне, — окрыляет, ощущается самым верным из всех возможных женских состояний. Мне кажется, я всё вытерплю ради того, чтобы на его лице было вот такое выражение всегда — вожеление, восторг, кайф... Кайф, который дарю ему я...

— Эльдар... — выдыхаю, выгибаюсь, сама не понимаю, что это со мной происходит... Мысли слились в единую симфонию — в нем осознание того, что мы вместе, что он доволен мной, что ему хорошо, что он вырвал меня у лап судьбы... Его власть над моим телом, моё желание давать и дарить удовольствие...

Что за дикий жар, что за агония, сладкая, пылающая, заряжающая сердце неистовым стремлением быть навсегда с Ним...

— Малиииии... — вторит он мне — и на его лице отражается точно то же состояние, что и меня сейчас охватывает...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.